

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-65-77>

УДК 008+316.423(=81):291.33

ББК 71(=411)+86.41(=411)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. А. В. Поповкин

г. Владивосток, Россия

© 2022 г. Г. С. Поповкина

г. Владивосток, Россия

К ПРОБЛЕМЕ РАЗЛИЧЕНИЯ И ТИПОЛОГИИ НОСИТЕЛЕЙ МАГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В КУЛЬТУРАХ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Аннотация: Статья посвящена проблеме построения классификации носителей сакрального знания в традиционной культуре восточных славян, в частности, выяснению причин затруднения исследователей в дифференциации фигуры колдуна и знахаря. На основе анализа полевых материалов и исследовательских работ, в которых предприняты попытки типологизации, рассмотрено, как три вида научного объяснения — каузальное, функциональное и интенциональное — используются при систематизации «знающих». Как правило, ни одна из типологий не опирается только на один тип объяснений, а сочетает каузальное или интенциональное объяснение с функциональным. Классификации, построенные на каузальном объяснении, часто рассматривают магические воздействия как некую объективную реальность, отличающую практики колдуна и знахаря. Типологизация, принятая в фольклористике, чаще всего опирается на функциональное объяснение, прекрасно решающее задачи по группировке персонажей традиционной культуры. Однако понимание бытования явления «знающих» в народном сознании часто требует привлечения интенционального объяснения. Делается вывод, что выстраивание однозначной объективной и не зависящей от свойств конкретной личности и ее отношений с социумом типологии «знающих» вряд ли возможно, типологическая принадлежность носителей сакрального знания всегда будет иметь ситуативный характер.

Ключевые слова: восточные славяне, знахарство, колдовство, «знающие», традиционная культура, методология культурно-антропологического исследования.

Информация об авторах:

Андрей Владимирович Поповкин — кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, ул. Пушкинская, д. 89, 690001 г. Владивосток, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1824-9448>

E-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Галина Сергеевна Поповкина — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Вос-

тока, ул. Пушкинская, д. 89, 690001 г. Владивосток, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6521-8658>

E-mail: galina.popovkina@gmail.com

Дата поступления статьи: 10.12.2020

Дата одобрения рецензентами: 10.08.2021

Дата публикации: 28.06.2022

Для цитирования: Поповкин А. В., Поповкина Г. С. К проблеме различения и типологии носителей магического знания в культурах восточных славян // Вестник славянских культур. 2022. Т. 64. С. 65–77. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-65-77>

Исследователи магических практик восточных славян сталкиваются со сложной проблемой выработки ясных понятийных определений носителей магических знаний: ведунов, колдунов, знахарей и т. п. Несмотря на большое количество работ, посвященных этому вопросу, единого мнения среди специалистов так и нет. Связано это прежде всего со спецификой самого предмета исследования. С одной стороны, арсенал магических практик зачастую един и не имеет ярко выраженных отличий. С другой — для народного сознания различие, например, колдуна и знахаря, носит принципиальный характер. В связи с этим нередко для наименования мифологических персонажей и реальных людей, имеющих отношение к сакральному знанию или магической силе, в научной литературе употребляется нейтральное обозначение «знающий», используемое в качестве термина, например, в «Словаре славянских древностей» [14, с. 347].

Один из основных посылов нашей работы состоит в том, что в проблеме различения колдуна, знахаря и др. присутствует смешение и взаимовлияние двух совершенно разных типов понимания этих фигур. Первый тип реализуется в народном сознании, в котором различие колдуна и знахаря опирается в основном на традицию и фольклорный образ этих персонажей. Это различие по существу своему не может быть четким, ясным, выраженным в понятиях и определениях, поскольку оно совершается в обыденном народном сознании. Второй тип — назовем его условно академическим — это различие колдуна и знахаря как предметов культурно-антропологического исследования. И здесь академические требования диктуют необходимость ясных понятийных определений, которые исследователь должен сконструировать на основе полевого материала и принятых им методов и подходов.

Образы колдуна и знахаря в народном сознании неизбежно пересекаются: черты одного легко можно встретить и у другого. Процедура опознания конкретного человека как колдуна или знахаря у обывателя и носителя традиционной культуры¹ существенно отличается от таковой для этнографа. Даже современный городской обыватель в своем различении опирается на фольклорные образы, усвоенные из традиционной культуры, свой личный опыт взаимоотношений с опознаваемым человеком и с подобными людьми. При этом изменение личных отношений со «знающим» легко может привести к смене его номинации. Напротив, культурно-антропологическое (этнографическое, фольклористическое и т. п.) исследование, выраженное в форме академического текста, не допускает такой вольности в перемене ролей. В результате некоторые ученые пытаются найти некие *объективные критерии различения колдуна и знахаря*. Однако в каком

¹ Мы полагаем, что большинство обывателей в понимании колдуна и знахаря опираются, скорее, на доступные (сохранившиеся в его сознании) элементы традиционной культуры, нежели на академические знания, применяя научные методы и подходы.

направлении следует вести поиск и насколько возможно четкое формальное различение рассматриваемых фигур, во многом будет определяться пониманием их природы, методом работы с материалом и избранным типом объяснения.

Поскольку планируется исследовать представления о колдунах и знахарях как в народном сознании, так и в сознании ученых, наиболее адекватным представляется обращение к феноменолого-герменевтическому подходу, основу которого заложили в философско-антропологических работах Э. Гуссерль и М. Шелер и развили в антропологических исследованиях М. Элиаде, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман и др. В частности, мы будем исходить из того, что колдун и знахарь в своем исходном виде являются феноменами народного сознания, их образы и представления о них рождаются в лоне традиционной культуры. С другой стороны, поскольку колдун и знахарь становятся предметами академического исследования, они тем самым становятся и феноменами сознания ученого. В последнем случае можно выделить три различных способа формирования понятий и представлений о «знающих» в традиционной культуре:

- 1 Взгляд исследователя на колдунов и знахарей как на субъектов, реально обладающих волшебными силами, с объективными особенностями и характеристиками.
- 2 Взгляд исследователя на колдунов и знахарей как на фольклорных персонажей.
- 3 Взгляд исследователя на колдунов, знахарей и магические практики как на феномены народного сознания, существующие в жизненном мире традиционной культуры. И в этом случае можно говорить о феноменологическом различии колдуна и знахаря, выявлять их и описывать, исследовать. При этом такой подход предполагает опору на соответствующий тип объяснения изучаемых форм культуры.

В выборе типов объяснения мы будем опираться на устоявшееся в современной философии науки различение каузального (через указание причины), функционального (через указание функции или назначения) и интенционального (через указание намерения действующего лица). Материалом исследования послужили работы, в которых предприняты попытки создания типологии «знающих», и собственные наблюдения авторов (отраженные в статьях и монографии), в которых фиксируется бытование феноменов колдуна и знахаря в традиционной культуре.

В настоящее время можно выделить три основных подхода, согласно которым практикующих традиционную магию подразделяют на колдунов, знахарей, реже — ведунов и др.

1 Исследование «знающих» как реальных субъектов, обладающих сверхъестественными знаниями/силой

Представление о «знающих» как о людях, реально обладающих некими особыми способностями, позволяющими им проводить магические и лечебно-магические процедуры, лежит в основе первого подхода в выработке понятийного определения «знающих». Доминирующий тип объяснения феномена колдовства — каузальный². Базовая характеристика, которая в таком случае кладется в основу дифференциации, — различие по степени магической силы, рассматриваемой как некая объективная сущностная характеристика.

² Это порой вынуждает исследователя искать физические (или псевдофизические) причины магических воздействий.

Согласно этому подходу, колдуны — наиболее сильные в магическом отношении, ведуны — средние, а знахари — самые слабые представители «знающих». Наиболее развитыми магическими способностями обладают маги, которых в традиционном обществе могут причислять к сильным колдунам [15, с. 137, 151]. В. И. Харитоновна одной из первых обратила внимание на то, что понятия знахарства, ведовства и колдовства в народной традиции были разграничены нечетко и использовались в разных значениях. Исследователь выдвигает гипотезу, что различение знахаря, ведуна, колдуна и пр., проводилось не столько по характеру магической практики (белая — «хорошая», положительная, и черная — «плохая», отрицательная), сколько по «силе», магическим способностям знатока магической традиции [15, с. 32, 120–137].

Сходной точки зрения придерживается В. К. Антчак: «Понятие “силы” более других характеризует специфику мужской ее разновидности. В народе “сильных” колдунов отличали от всех прочих специалистов в сакральной сфере», и наличие «силы» формирует мнение о колдовстве как о мужской магической практике: «В совокупности комплекс “знание/сила” дает представление именно о профессиональной мужской магики-мистической деятельности» [1, с. 3].

Однако этнографические наблюдения свидетельствуют, что различение знахарей и колдунов происходит в разных локальных традициях по-разному, о чем косвенно может свидетельствовать разнообразие наименований «знающих»: ведьмак/ведьма, колдун/колдовка/колдунья, знаткой, портун, «он знает», знахарь/знахарка — примерный и не полный перечень наименования знатоков магической практики. Кроме того, в народной дифференциации нередко главным критерием выдвигается не сила, а то, каким образом приобретены магические способности: являются ли они врожденными или приобретенными, хотя часто эти критерии коррелируют: «урожденные» колдуны, или рожак, считаются сильнее «ученых» [9, с. 10–11]. Однако, по нашим наблюдениям, приобрести магические знания, т. е. стать знахарем, могут только люди, обладающие особым даром с рождения [11, с. 61–82]. Значит, обладать прирожденным магическим талантом, быть достаточно «сильными», должны и знахари, которые по рассматриваемой классификации слабее, чем колдуны, тем более «прирожденные» — «рожаки». Таким образом, разделение знахарей и колдунов по их магической силе, рассматриваемой как реальная объективная характеристика, становится проблематичным.

Кроме того, материал, представленный в работах многих исследователей, демонстрирует и явные расхождения с предложенной выше классификацией. Так, сами колдуны могут быть сильными и слабыми. «Одним из критериев разграничения слабых и сильных колдунов в Верхокамье служат целительские способности — слабые могут только портить, а сильные могут и лечить» [16, с. 117]. В то же время знахарь мог излечивать болезнь, насланную колдуном [9, с. 75], и колдун, и знахарь «могут как причинять вред, так и избавлять от этого вреда» [17].

Указанные факторы побудили исследователей обратить внимание на другие характеристики обладателей магического знания и предпринять попытки добавить к каузальному другие типы объяснений изучаемых феноменов. Так, В. Е. Добровольская предложила разделять русских «знающих» на три категории — знахарей, ведунов и колдунов. Исследователь вводит элементы интенционального объяснения, утверждая, что хотя знахари «могут быть сильными или слабыми в магическом отношении, но отличительным их признаком является апелляция к Богу во время лечения больного и отрицательное отношение к более сильным, с народной точки зрения, приемам черной магии» [3, с. 95]. Однако она не отказывается и от каузального объяснения,

поскольку, согласно ее типологии, сила или слабость знахаря определяется «количеством и качеством болезней, которые он может лечить» [3, с. 95]. В. Е. Добровольская вводит и элементы функционального объяснения. Так, ведунов она относит к ритуальным специалистам, «которые, помимо обращения к божественным силам, прибегают к помощи противоположной, демонической стороны», основное магическое занятие ведунов — любовная магия, а колдунов характеризует как занимающихся «собственно магической деятельностью», они в основном «делают на зло» [3, с. 95]. Но основные усилия В. Е. Добровольской сосредоточены на разработке каузального объяснения. Так, она вводит новый критерий классификации — различение понятий «знание» и «сила»: «Если человек получает магическую силу (именно силу, а не знания) от другого колдуна — его можно считать самородком, т. к., имея силу, он начинает приобретать и знания» [3, с. 95–97].

Сходного мнения придерживается и Н. Е. Мазалова, которая полагает, что можно выделить несколько типов русских знающих на основе таких признаков, как сила и знание: «Ведьма и колдун-самородок получают силу и знание от рождения. Такие “знающие” считаются самыми сильными ритуальными специалистами. “Тайное” знание знахаря — самого “слабого” ритуального специалиста, прежде всего, основано на знании *слов* (заговоров)» [9, с. 23]. Таким образом, в классификации Н. Е. Мазаловой присутствуют два типа деления знающих: по силе и по знанию, частично ее классификация совпадает с предложенной В. И. Харитоновой. Сложность представленной типологии в том, что для дифференциации знахарь/колдун требуется еще и особая систематизация лечебных и магических практик по степени их сложности и усилий, необходимых для выполнения.

Таким образом, видна некоторая синкретичность попыток выстраивания типологии «знающих» на каузальном объяснении, связанных с невозможностью исследователей прийти к согласию относительно количества и природы основных действующих причин магических практик колдуна и знахаря. Кроме того, в настоящее время весьма затруднительным является и определение самой природы магических сил и способностей колдунов и знахарей, и их размежевание по степени владения этими силами, поскольку в современном естествознании реальность магических воздействий отрицается.

2 *Исследование «знающих» как фольклорных персонажей*

Недостатков предыдущего подхода во многом лишено исследование «знающих» как персонажей мифологических рассказов с позиций фольклористики и этнолингвистики. О первостепенной важности проблемы идентификации мифологического персонажа пишет Л. Н. Виноградова, указывая на сложность этой идентификации: многообразие диалектных названий одного и того же персонажа, разная типология персонажей, наделенных общим именем, и отсутствие адекватной научной терминологии [2, с. 12–15]. В связи с необходимостью «надежной идентификации и полного описания персонажа <...> была разработана схема-анкета» для выявления «характерных черт этих персонажей на разных уровнях — лингвистическом, морфологическом, функциональном» [2, с. 14, 28–29]. Хотя, как отмечает автор, эти признаки могут по-разному группироваться и закрепляться за разными демонологическими персонажами.

Самым заметным и весомым вкладом в решение проблемы разработки типологии мифологических персонажей по праву можно считать пятитомный труд «Славянские древности», рассматривающий разные стороны духовной жизни славянских наро-

дов. Здесь можно найти определения специалистов магической практики и сходных с ними в некоторых признаках персонажей, например, ведьма, колдун, знахарь, волколак, вештица и др. В этих определениях важной категорией идентификации является социальная функция «знающих» в их отношении к членам общины. Колдун — преимущественно вредоносный персонаж, функция знахаря — врачевание, исправление зла, совершенного колдуном и т. п. Таким образом, мы имеем дело с функциональным объяснением, легшим в основу типологизации магических специалистов, используемым как фольклористами, так и этнографами.

Однако функциональное объяснение различий колдуна и знахаря не исключает гармоничного обращения исследователей к интенциональному истолкованию особенностей их деятельности. Так, часто при отнесении «знающего» к колдуну/знахарю учитывается его отношение к христианству, например, знахари «хотя и подозреваются в сношениях с нечистой силой, но отнюдь не считаются продавшими ей душу. Сами они подчеркивают свою приверженность христианству» [4]. Колдуны «противопоставляются знахарям: считается, что они сознательно отреклись от христианского Бога и предались темным силам» [4].

В работе О. Б. Христофоровой отмечается, что «колдун — грешник, располагающий чьей-то санкцией, имеющий особую силу, природа и источник которых в христианском обществе оцениваются однозначно» [16, с. 121]. Семантический анализ мифологизированной личности колдуна позволяет говорить о том, что «злость — его постоянное качество, описанное в заговорных текстах», часто колдун описывается как злой, недобрый, грешник и т. п., но главное — он портит, причиняет вред [7]. В фольклорных произведениях функции колдуна сопоставимы с функциями вора и разбойника, отбирающими чужое имущество или жизнь и здоровье [8].

Однако и этот тип дифференциации, основанный на функциональном различии колдуна и знахаря, не всегда четко работает на восточнославянском материале: так, колдун мог делать и «на добро», например, лечить [16, с. 117; 11, с. 28]. Н. Е. Мазалова справедливо отмечает, что сакральное знание (в нашем случае — магическое) «обладает двойственной природой», но «в народном сознании ритуального специалиста, <...> делающего как «на добро», так и «на зло», как правило, относят к колдунам» [9, с. 8].

К сходному выводу приходит и И. В. Ильина: «Стремление противопоставить колдуна и знахаря, распределить “особое” знание на черное и белое — явление позднего порядка, и различие между ними скорее иерархического порядка, отражающего объем и уровень принадлежащих им знаний, их место в мифологической структуре мира» и приводит примеры вредоносного воздействия ижемской целительницы Тандзе Марьи [6, с. 20, 37–38]. Колдуны, «обладая при лечении телесных болезней даже большей силой, чем целители, <...> могут одновременно нанести трудно поправимый вред душе человека» [4]. Видимо, отношение к колдуну и знахарю зависело от его функции в сообществе: «...общество одобряло контакты /колдуна/ с потусторонним миром, если они были направлены на благо коллектива. Если его деяния причиняли вред ближайшему окружению, они <...> приводили к наделению его отрицательными личностными характеристиками» [7].

Недостаточность различения «знающих» по функционально-этической направленности их практики подтверждается и наблюдениями фольклористов. Л. Н. Виноградова отмечает, что для сибирской ведьмы характерны как вредоносные действия, так и способность помочь в охоте, рыболовстве, предсказывать судьбу, лечить. По мнению

исследователя, вредоносные действия в сибирских быличках «закрепляются за персонажами разного терминологического определения: ведьма, хомутница, ворожея, знахарка, шаманка, колдунья, колдун <...> в целом в каждой местности бытует особая комбинация признаков (“блуждающих функций”), которые закрепляются то за одним, то за другим термином» [2, с. 244–245].

Таким образом, фольклористический подход, несмотря на указываемые самими фольклористами проблемы, является прекрасным инструментом научного исследования магических аспектов народной культуры. Но для целостного культурно-антропологического описания и осмысления феноменов «знающих» важным является истолкование феноменов и тем более процесс их формирования в народном сознании. В фольклористическом подходе хотя и фиксируются исторические и географические рамки бытования описываемых сюжетов и персонажей, но не придается достаточного (для культурно-антропологического исследования) значения социокультурной динамике. И, наконец, фольклористический подход не предполагает анализа такого явления, как, например, «перемена ролей» с «колдовки» на «знахарку» в зависимости от личных отношений к «знающему».

3 *Исследование магических аспектов народной культуры: «колдун» и «знахарь» как феномены народного сознания*

Анализ рассмотренных выше подходов к типологизации «знающих» в современной отечественной антропологии показывает, что ни один из них не является универсальным: легко можно найти примеры, противоречащие той или иной классификации, или случаи «вкрапления» элементов разных типологий в работе одного автора. Следует учитывать также, что все выводы сделаны на основе полевых материалов, репрезентирующих различные районы бытования магической традиции, с чем могут быть связаны и различия в наименовании «знающих». На четкости классификаций, особенно в случае доминирования каузального объяснения различия колдуна и знахаря, сказывается и противоречивость ситуации, когда магические практики трактуются с использованием инструментальной и теоретической базы естественных наук, отрицающих само существование магии.

Мы предлагаем исходить из того, что независимо от объективной реальности природы магических воздействий колдун, знахарь и другие «знающие» являются феноменами жизненного мира традиционной культуры, т. е. они не только явлены какому-то конкретному жителю деревни, но и выступают intersubjectivными феноменами и как таковые имеют общезначимые характеристики. В этом смысле исследование феномена «знающего» в народном сознании в значительной степени сводится к выявлению этих общезначимых характеристик и способов их предикации тому или иному конкретному «знающему». Такой феноменологический подход естественным образом предполагает сочетание функционального и интенционального объяснения различий в типах «знающих».

Для решения поставленной задачи нужно понять, как образ колдуна или знахаря существует в жизненном мире традиционной культуры и как этот образ связывается с конкретным «знающим». Представляется оптимальным строить типологию согласно его функциям как персонажа традиционной культуры и как конкретного члена социума, а также его интенциям, волевым и нравственным стремлениям, определяющим его жизнь и характер отношений с обществом. Сопутствующей задачей, на которой мы

не будем останавливаться в данной работе, является отслеживание, различение и отмежевание феноменов знахаря и колдуна в сознании исследующего их ученого.

В описаниях магических ритуалов и социальной направленности практики «знающих» отчетливо просматривается этическая направленность их воли. Как отмечалось, колдуны способны не только «портить», но и лечить, знахари — бороться с болезнями и «насылать» их; значит, *направленность действий знающего зависит лишь от его воли*, его осознания возможности/невозможности совершать те или иные ритуалы. Но главное: «Колдуны для сельского мира — нарушители социальных и религиозных норм, и, напротив, нарушители этих норм часто приобретают репутацию колдунов» [16, с. 121]. И напротив: «Знахари пользуются уважением в деревенской среде, хотя и подозреваются в сношениях с нечистой силой, но отнюдь не считаются продавцами ей душу. Сами они подчеркивают свою приверженность христианству» [4]. Иными словами, ключевым фактором идентификации колдун/знахарь выступает направленность, интенция деятельности «знающего», и то, как эта интенция воспринимается обществом. Этическая оценка «знающего», таким образом, явно имеет интерсубъективный характер.

Некоторые исследователи не согласны с тем, что оппозиция колдун-знахарь прямо коррелирует с оппозицией злой и доброй воли. Так, А. Б. Мороз утверждает: «Это деление вполне искусственно: что на пользу одному — то на вред другому, — как тут всем угодить? Поэтому и говорят про всех, что они знают — а уж кто что (или *на что*) знает — это уже другой разговор» [5, с. 8]. Исследователь уверен, что «само это разделение — на злых колдунов и добрых знахарей — в большей степени существует в сознании далеких от традиционной культуры современных городских жителей. Сами же носители традиции, напротив, обычно не проводят такого различия» [5, с. 8]. Признавая необходимость отличать оценки действий колдуна и знахаря, даваемые традиционной культурой, от оценок, даваемых современными горожанами, отметим, что традиционная культура склонна к этическому реализму и даже гиперреализму, не просто признавая объективную реальность добра и зла, но даже порой персонифицируя их.

В различении колдуна и знахаря, как отмечено выше, немалую роль играет не только интенциональная направленность действий самих «знающих» и их самооценка, но также нравственные установки и интересы окружающих, которые, например, в силу личной обиды могут негативно относиться к «знающему» и легко находить «доказательства» его вредности, связи с нечистой силой и т. п. Порой такое негативное отношение может захватывать большое количество членов социума, в котором живет «знающий». И в этом случае мы можем увидеть феномен «козла отпущения», сакральный и социокультурный смысл которого прекрасно раскрыт в работах французского исследователя Рене Жирара [12]. Так, вводя концепцию учредительного линчевания, он описывает ситуацию, когда травля жертвы, чья вина вымышлена или лежит в сфере мнимых нарушений сакральных запретов, становится фактором, консолидирующим общину, а ее убийство — актом катарсиса, снимающим социальное напряжение. Очевидно, что специфика положения и характер занятий «знающих» делает их идеальной фигурой на роль таких «козлов отпущения», и совершенно ясно, что преследовать будут не «знахаря» — фигуру положительную в народном сознании, а именно «колдуна».

Именно здесь, нам кажется, можно найти объяснение феномена смены ролей, когда знахаря община вдруг начинает считать колдуном. Иначе говоря, если магическую деятельность человека оценивают отрицательно, то называют его колдуном, если

положительно — знахарем. И тогда мы можем сказать, что колдун — тот, кого боятся больше, чем знахаря. На этот факт обратила внимание и О. Б. Христофорова: «Отличие знахарей от портунов проходит не только по линии сильный/слабый колдун, многое зависит и от точки зрения рассказчика» [16, с. 118]. В связи с этим случаи расправы с подозреваемыми в магических способностях (даже если «знающий» оказывал целебную помощь окружающим) происходят и в настоящее время [11, с. 52].

Особый вопрос — это самоопределение колдуна или знахаря, т. е. явленность деятельности знахаря его собственному сознанию. Наши исследования показывают, что в таком самоопределении главное — этическая оценка собственных интенций. Эта оценка во многом определяется культурными смыслами жизненного мира общины, в которой живет «знающий». Так, если он понимает, что ставит себя вне христианской духовной традиции, то такой человек чаще всего называет себя колдуном. Если же он стремится придерживаться нравственных норм христианства, то он называет себя знахарем. Многочисленные истории о колдунах и «ведьмах», обида на несправедливое отношение «как к колдовке», отмежевание своей практики («я только на добро делаю») от практики колдунов, готовых навести порчу, «сделать» присушку и пр. — яркое тому подтверждение.

Другое дело, как практика такого знахаря в действительности соотносится с христианством. Знахарство и колдовство осуждаются всеми христианскими церквями, включая и РПЦ. Положение знающего, даже если он разделяет большую часть христианских этических норм и ценностей, в любом случае оказывается двойственным из-за обращения к магическим силам. Собственную маргинальность знахари осмысливают и разрешают по-разному: нередко знахарь с помощью тех или иных ухищрений старается взять благословение на свою практику у священника [10].

Таким образом, мы видим, что использование интенционального объяснения раскрывает перед нами достаточно сложную картину мира «знающих» в народной культуре и их отношений с обществом. Не следует также забывать и о смысловом поле народной традиции, прекрасно отображенном в отечественной фольклористике, на котором разворачивается деятельность «знающих», их самоидентификация и идентификация окружающими.

Итак, мы рассмотрели проблему типологизации «знающих» в контексте трех типов объяснений: каузального, функционального и интенционального. Фактически ни одна из рассмотренных нами типологий не опирается только на один тип объяснений, но в большинстве случаев использование разных типов объяснений носит эклектический характер. Пожалуй, наибольшая синкретичность обнаруживается в типологиях, построенных на каузальном объяснении и которые склонны рассматривать магические воздействия как некую объективную реальность и действующую причину, отличающую практики колдуна и знахаря.

Осознанное и целенаправленное использование функционального объяснения обнаруживается в типологизации «знающих», принятой в фольклористике: знахарь и колдун рассматриваются как сюжетные персонажи, имеющие свои функции и роли, что позволяет добиться ясности выстраиваемой типологии. Однако, поскольку в реальной жизни действуют не персонажи, а живые люди, носители свободной воли, способные к нравственному самоопределению, преследующие те или иные интересы, полагаем, что в культурно-антропологическом описании и объяснении феноменов колдовства и знахарства не обойтись без интенционального объяснения, которое необходимо сочетать с функциональным объяснением и полученными на его основе

результатами. Это позволяет увидеть сложный характер идентификации «знающего» как колдуна или знахаря. С одной стороны, важна собственная интенция «знающего», сознательная направленность его деятельности: для знахаря она лежит в русле христианских ценностей, заботы об интересах общины и т. п., для колдуна — носит эгоистический характер, противопоставление христианской традиции. С другой — отношения знающего с общиной, священнослужителями и т. п. во многом определяются тем, как его воспринимают окружающие. И все эти процессы разворачиваются и осмысляются всеми участниками в смысловом контексте традиционной народной культуры с ее типическими актами, сюжетами и персонажами. Таким образом, мы полагаем, что выстраивание однозначной объективной и независимой от свойств конкретной личности и ее отношений с социумом типологии «знающих» вряд ли возможно, если речь не идет о фольклорных персонажах. При исследовании реальной народной жизни такая типологическая принадлежность «знающих» всегда будет носить ситуативный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Антчак В. К.* «Знающие люди» в традиционной культуре русских: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 24 с.
- 2 *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.
- 3 *Добровольская В. Е.* Народные представления о колдунах в сказочной прозе // Мужской сборник. М.: Лабиринт, 2001. Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре. С. 95–105.
- 4 *Зверев В. А., Шишкова Е. К.* «Знаткие» люди. Рассказы о колдунах и знахарях в современной русской деревне на Чулыме // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Мат. междунар. науч. конф. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008. С. 207–212.
- 5 *Знатки, ведуны и чернокнижники.* Колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под общ. ред. А. Б. Мороза. М.: ФОРУМ; Неолит, 2012. 592 с.
- 6 *Ильина И. В.* Традиционная медицинская культура народов европейского северо-востока (конец XIX – XX вв.). Сыктывкар: Изд-во ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2008. 225 с.
- 7 *Мазалова Н. Е.* Злой колдун: особенности мифологизированной личности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 308–312.
- 8 *Мазалова Н. Е.* Колдун, вор, разбойник в произведениях русского фольклора // Университетский научный журнал. 2013. № 6. С. 112–118.
- 9 *Мазалова Н. Е.* Этнографические аспекты изучения личности «знающего» (XIX – начало XXI в.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. 304 с.
- 10 *Поповкин А. В., Поповкина Г. С.* «Православное» знахарство и Церковь: проблема отношений // Религиоведение. 2010. № 3. С. 62–72.
- 11 *Поповкина Г. С.* Знахари и знахарство у восточных славян юга Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2008. 200 с.
- 12 *Рене Ж.* Вещи, сокрытые от создания мира / пер. с фр. М.: Изд-во ББИ, 2016. 518 с.
- 13 *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 584 с.*
- 14 *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. 702 с.*

- 15 Харитонова В. И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян. Проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1999. 292 с.
- 16 Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы. Антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ; РГГУ, 2010. 432 с.
- 17 Шкуратюк Ю. А. Семантика лексемы знающий в пермских говорах // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 4 (16). С. 32–39.

***

© 2022. **Andrey V. Popovkin**
Vladivostok, Russia

© 2022. **Galina S. Popovkina**
Vladivostok, Russia

**METHODOLOGICAL CONSIDERATIONS ON THE ISSUE
OF DISTINGUISHING AND TYPOLOGY
OF CARRIERS OF MAGIC KNOWLEDGE IN CULTURES
OF THE EASTERN SLAVS**

Abstract: The paper discusses the issue of constructing a classification of holders of sacred knowledge in a traditional culture of the Eastern Slavs, in particular, aiming to elucidate the causes of difficulties for researchers (anthropologists) in differentiating the figures of sorcerer and healer. The first methodological setting of the undertaken research is the distinction of the “knowers” as a phenomenon of popular consciousness existing in a vital world of traditional culture, and as the subject of academic research. Since the scientific classification involves an explanation of the differences between types, the second setting was to consider the constructed typologies of “knowers” in terms of the typology of explanations accepted in modern philosophy of science. Basing on the analysis of field materials and research works in which typological attempts were made, the paper considers three types of scientific explanations — causal (by indicating the actual reason), functional (by indicating the function) and intentional (by indicating the goals or intentions of the actor) — used in the systematization of “knowers”. As a rule, none of the typologies relies on just one type of explanation, but combines a causal or intentional explanation with a functional one. Classifications based on causal explanation often consider magical influences as a kind of objective reality and a valid reason that distinguishes the practices of the sorcerer and the healer. Which is fraught with various dangers, in particular, the involvement of pseudoscientific physicalist theories. The typologization adopted in folklore is most often based on a functional explanation that perfectly solves the problems of grouping characters of traditional culture. However, this approach is not sufficient for an integral cultural and anthropological description and understanding of the phenomena of “knowers”. Understanding the existence of this phenomenon in the public consciousness often requires the use of intentional explanations. The authors conclude that building a unique, objective and independent of the characteristics of a particular person and their relations with the society of the

typology of “knowers” is hardly possible, if we are not talking about folk characters. In the study of real folk life, the typological affiliation of holders of sacred knowledge will always be situational in nature.

Keywords: Eastern Slavs, quackery, witchcraft, “knowers”, traditional culture, methodology of cultural and anthropological research.

Information about the authors:

Andrey V. Popovkin — PhD in Philosophy, Head of Department of Philosophy, The Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6521-8658>

E-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Galina S. Popovkina — PhD in History, Senior Researcher, The Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1824-9448>

E-mail: galina.popovkina@gmail.com

Received: December 10, 2020

Approved after reviewing: August 10, 2021

Date of publication: June 28, 2022

For citation: Popovkin A. V., Popovkina G. S. Methodological considerations on the issue of distinguishing and typology of carriers of magic knowledge in cultures of the Eastern Slavs. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 64, pp. 65–77. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-65-77>

REFERENCES

- 1 Antchak V. K. “*Znaiushchie liudi*” v traditsionnoi kul'ture russkikh [“Knowing people” in the traditional Russian culture: PhD thesis, summary]. St. Petersburg, 2005. 24 p. (In Russian)
- 2 Vinogradova L. N. *Narodnaia demonologiya i mifo-ritual'naya traditsiya slavian* [Folk demonology and the mythological and ritual tradition of the Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 2000. 432 p. (In Russian)
- 3 Dobrovol'skaia V. E. Narodnye predstavleniya o koldunakh v neskazochnoi proze [Folk ideas about sorcerers in fairy-tale prose]. In: *Muzhskoi sbornik* [Men's collection]. Moscow, Labirint Publ., 2001, vol. 1: Muzhchina v traditsionnoi kul'ture [A man in traditional culture], pp. 95–105. (In Russian)
- 4 Zverev V. A., Shishkova E. K. “Znatkie” liudi. Rasskazy o koldunakh i znakhariakh v sovremennoi russkoi derevne na Chulyme [“Knowing” people. Stories about sorcerers and healers in the modern Russian village on Chulyum]. In: *Etnografiya Altaia i sopedel'nykh territorii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Ethnography of Altai and adjacent territories. Proceedings of the international scientific conference]. Barnaul, BGPU Publ., 2008, pp. 207–212. (In Russian)
- 5 *Znatki, veduny i chernoknizhniki. Koldovstvo i bytovaia magiya na Russkom Severe* [Connoisseurs, wizards and warlocks. Witchcraft and household magic in the Russian North], under the total. ed. A. B. Moroza. Moscow, FORUM Publ.; Neolit Publ., 2012. 592 p. (In Russian)
- 6 Il'ina I. V. *Traditsionnaya meditsinskaya kul'tura narodov evropeiskogo severo-vostoka (konets XIX–XX vv.)* [The traditional medical culture of the peoples of the European North-East (turn of the 20th c.). Syktyvkar, IlaLI Komi NTs Ur ORAN Publ., 2008. 225 p. (In Russian)

- 7 Mazalova N. E. Zloi koldun: osobennosti mifologizirovannoi lichnosti [Evil sorcerer: features of a mythologized personality]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, 2014, no 1, pp. 308–312. (In Russian)
- 8 Mazalova N. E. Koldun, vor, razboinik v proizvedeniakh russkogo fol'klora [Sorcerer, thief, robber in the works of Russian folklore]. *Universitetskii nauchnyi zhurnal*, 2013, no 6, pp. 112–118. (In Russian)
- 9 Mazalova N. E. *Etnograficheskie aspekty izucheniia lichnosti “znaiushchego” (XIX – nachalo XXI v.)* [Ethnographic aspects of the study of the personality of the “wiseman” (19 – beginning of the 21st century)]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2011. 304 p. (In Russian)
- 10 Popovkin A. V., Popovkina G. S. “Pravoslavnoe” znakharstvo I Tserkov': problema otnoshenii [“Orthodox” wizardry and the Church: the problem of relations]. *Religiovedenie*, 2010, no 3, pp. 62–72. (In Russian)
- 11 Popovkina G. S. *Znakhari i znakharstvo u vostochnykh slavian iuga Dal'nego Vostoka Rossii* [Sorcerers and sorcery among the eastern Slavs of the south of the Russian Far East]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2008. 200 p. (In Russian)
- 12 Rene Zh. *Veshchi, sokrytye ot sozdaniia mira* [Things Hidden from the Creation of the World], trans. from France. Moscow, BBI Publ., 2016. 518 p. (In Russian)
- 13 *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.], general. ed. N. I. Tolstoi. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995. Vol. 1. 584 p. (In Russian)
- 14 *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.], general. ed. N. I. Tolstoi. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1999. Vol. 2. 702 p. (In Russian)
- 15 Kharitonova V. I. *Zagovorno-zaklinatel'noe iskusstvo vostochnykh slavian. Problemy traditsionnykh interpretatsii i vozmozhnosti sovremennykh issledovaniia* [Spell-conjuring art of the Eastern Slavs. Problems of traditional interpretations and the possibilities of modern research]. Moscow, IEA RAN Publ., 1999. 292 p. (In Russian)
- 16 Khristoforova O. B. *Kolduny i zherty. Antropologiya koldovstva v sovremennoi Rossii* [Sorcerers and victims. Anthropology of witchcraft in modern Russia]. Moscow, OGI Publ., RGGU Publ., 2010. 432 p. (In Russian)
- 17 Shkuratiuk Iu. A. Semantika leksemy znaiushchii v permskikh govorakh [The semantics of the lexeme wiseman in Perm dialects]. *Vestnik Permskogo universiteta*, 2011, vol. 4 (16), pp. 32–39. (In Russian)